

Подготовка к провинциальному командному турниру по бадминтону среди средних школ перешла в самую жаркую фазу. Каждый сантиметр воздуха в бадминтонном зале Средней школы Синлин был наполнен звуками частых ударов, топором спешащих шагов, а влажные от пота тренировочные костюмы стали самым привычным и заметным штрихом к портрету каждого игрока. Все выкладывались ради грядущих соревнований на полную, но самыми притягательными фигурами в зале неизменно оставались Инь Юнь и Шэнь Цзи — каждое их противостояние напоминало финал в миниатюре и приковывало к себе взгляды всей команды.

Однако за этим всеобщим ажиотажем стоял один человек, который неизменно хранил молчание. Подобно дереву, пустившему корни в укромном углу, он безмолвно и незаметно расправлял ветви в те моменты, когда никто на него не смотрел, — ради всего лишь одного-единственного исключения.

Этим человеком был Шэнь Цзи.

С самого момента появления в команде Шэнь Цзи казался айсбергом, дрейфующим вдалеке от людей. Он был окутан непроницаемой пеленой холода, которая надежно отгораживала его от любого шума, попыток сблизиться или прощупать почву. Члены команды не раз с любопытством пытались подойти к нему: кто-то протягивал воду, кто-то заводил разговор первым, кто-то хотел поспарринговаться, но в ответ неизменно получал лишь холодный взгляд, краткий кивок или даже откровенное игнорирование. Со временем все смирились с его нелюдимостью и больше не рисковали лишний раз беспокоить парня, лишь издали любясь его отточенными движениями во время тренировок и мысленно вешая на него ярлык неприступности.

В представлении окружающих Шэнь Цзи был начисто лишен каких-либо эмоций. Он не смеялся, не злился, не выказывал беспокойства и уж тем более не проявлял ни к кому особой нежности. Казалось, в его мире существовали только бадминтон, ракетки, тренировки и матчи, а до всего остального ему не было никакого дела. Он держался особняком, источал отчужденность и был самым необычным человеком во всей команде.

И только Инь Юнь знал, что за этой казалось бы несокрушимой ледяной глыбой скрывается исключение, предназначенное только для него.

Эта исключительность пряталась в первых лучах утреннего солнца, в крошечных приготовлениях перед началом занятий, в той мягкости, которую Шэнь Цзи никогда и никому больше не показывал, — тихая, но успевшая пустить глубокие корни.

Каждое утро, едва забрезжит рассвет и территорию Средней школы Синлин еще окутывает легкая дымка, двери бадминтонного зала уже распахиваются. Инь Юнь привык вставать рано и неизменно приходил первым: переодевался в форму и брал в руки ракетку для разминки. Но в последнее время стоило ему переступить порог, как он неизменно видел знакомую темную фигуру, тихо ждущую его в центре площадки.

Это был Шэнь Цзи.

Раньше Шэнь Цзи никогда и ради кого не менял собственный график, тем более не приходил за полчаса до начала. Его тренировки всегда были расписаны по минутам и неизменны, словно железобетон, но с тех пор, как они стали постоянной парой для спаррингов, он всегда являлся в зал на десять минут раньше. Сначала он насухо протирал их обычное поле, влажной тряпкой счищал пыль с сетки, а затем аккуратно клал ракетку Инь Юня на скамейку у кромки площадки, предварительно выровняв обмотку ручки.

Никто из остальных ребят никогда не замечал этих мелочей. Только Инь Юнь отчетливо видел и бережно хранил их в памяти во время каждого раннего утреннего прихода.

— Ты сегодня снова так рано, — бросив сумку с ракетками, Инь Юнь с улыбкой шагнул на площадку, его глаза изогнулись полумесяцами, а во взгляде сквозила почти готовая выплеснуться наружу нежность.

Шэнь Цзи повернулся к нему и, не говоря ни слова, лишь чуть заметно кивнул. Но даже это простое движение невольно смягчило окружавший его холод: в ледяных глазах промелькнуло неуловимое тепло, а напряженная линия подбородка слегка расслабилась, потеряв привычную для общения с остальными отчужденность.

Таким был его ответ, предназначенный исключительно для Инь Юня. Попадись на его месте кто-то другой — даже если бы это был тренер, пришедший заранее, — парень удостоил бы его лишь сухим кивком, даже не взглянув лишний раз.

Во время разминки эта исключительность проявлялась еще ярче.

Разминка Инь Юня всегда отличалась свободой и размахом, но сегодня во время боковых выпадов он почему-то сбился с дыхания, в боку неожиданно кольнуло, и парень невольно согнулся пополам, морщась, слегка придерживая поясницу рукой и тяжело дыша.

Не успел он даже попросить о помощи, как к нему стремительно шагнула темная фигура.

Шэнь Цзи протянул руку и бережно поддержал его за локоть, двигаясь с предельной осторожностью, словно боясь причинить боль слишком резким движением. Увидев поморщенного Инь Юня, он в мгновение ока наполнил взгляд неподдельным беспокойством, а в глухом голосе прозвучала редкая для него спешка, вмиг разрушившая привычную отрешенность:

— Что случилось? Сильно болит?

Его прохладные пальцы легко коснулись поясницы Инь Юня, плавно разминая мышцы вдоль линий. Движения были мягкими и профессиональными — сразу было видно, что подобный прием он тайком отрабатывал не раз.

Эту сцену как раз застал подошедший раньше времени Чжоу Цзыбо. С зажатым в руке

стаканом только что набранной теплой воды он замер на месте, вылупив глаза и чуть не выронив стакан.

Сколько он знал Шэнь Цзи, тот никогда и ни к кому не проявлял подобной заботы. Не говоря уж об инициативе: стоило кому-то из ребят оступиться на тренировке, Шэнь Цзи лишь стоял в стороне и холодно наблюдал, и только если пострадавший сам обращался за помощью, мог сухо бросить в ответ: «Аккуратнее». А сейчас он сам подошел, бережно растирает Инь Юню поясницу, а в голосе сквозит ничем не скрытая тревога.

Чжоу Цзыбо потер глаза, думая, что ему мерещится, но пригляделся внимательнее: Шэнь Цзи в упор смотрел на Инь Юня, брови слегка сведены к переносице, выражение лица предельно сосредоточено — от бывшего холода не осталось и следа.

— Брат Юнь, ты в порядке? — Чжоу Цзыбо поспешно подбежал, поставил стакан и с тревогой на лице спросил.

— Всё в порядке, просто дыхание сбилось, сейчас разомнусь и пройдет, — Инь Юнь поднял голову, улыбнулся Чжоу Цзыбо, а кончики его ушей чуть порозовели. Он отчетливо чувствовал тепло пальцев Шэнь Цзи и его старательные движения; изнутри грудь затапливало теплом и сладостью, и даже тупая боль в боку заметно утихла.

Шэнь Цзи ничего не ответил, лишь продолжил растирать мышцы. Движения оставались нежными, но взгляд не отрывался от лица партнера. Убедившись, что выражение лица Инь Юня постепенно разгладилось, он чуть выдохнул. И только когда Инь Юнь легко хлопнул его по руке, давая понять, что всё прошло, Шэнь Цзи убрал руку и вернулся на свое место, чтобы продолжить разминку, хотя затаившееся в глубине глаз тепло еще долго не гасло.

Эта сцена, попавшая на глаза Чжоу Цзыбо, заставила его вмиг всё понять. Украдкой бросив взгляд то на Шэнь Цзи, то на Инь Юня, парень поймал озарение, мысленно зафиксировал эту деталь и тихонько шмыгнул в другую сторону, чтобы не мешать.

И всё это от начала и до конца ускользнуло от внимания Линь Юйхэна, прятавшегося у входа в зал.

Линь Юйхэн подгадал время секунда в секунду: он рассчитывал тайком понаблюдать за ними, но никак не ожидал, что с порога увидит, как Шэнь Цзи сам бросился ухаживать за Инь Юнем. Он моментально зажал рот ладонью, мелко дрожа от возбуждения, а в глазах полыхнул фанатичный блеск. Повернувшись к шедшему следом Сюй Линю, он понизил голос до предела и восторженно зашептал:

— Сюй Линь! Ты видел?! Шэнь Цзи сам побежал растирать поясницу брату Юню! И такое лицо у него было испуганное! Разве это отношения товарищей по команде?! Это же чистой воды обожание, когда человека на руках носят!

Сюй Линь с книгой в руках неспешно вошел в зал, его взгляд спокойно скользнул по фигурам парней. Он давно раскусил особое отношение Шэнь Цзи к Инь Юню, вот только не ожидал, что

всё проявится так явно и недвусмысленно.

Ничего не ответив, он лишь легко повел плечом, а в уголках глаз мелькнуло понимание.

Будучи самым хладнокровным наблюдателем, он давно разгадал секрет «избирательности» Шэнь Цзи. Этот вечно молчаливый и ко всему равнодушный парень давно отдал всю свою нежность, терпение и трепетное внимание одному лишь Инь Юню.

Он не улыбался никому другому, но расплывался в улыбке перед Инь Юнем; никогда не проявлял инициативу в заботе об окружающих, но в ту же секунду замечал малейшее недомогание Инь Юня; никогда не показывал слабости посторонним, но перед Инь Юнем обнажал редкую мягкость и уязвимость.

Эти спрятанные в мелочах исключения были проявлением особой, уникальной нежности Шэнь Цзи к Инь Юню, доказательством того, что ради него он готов поступиться любыми принципами.

После начала тренировки эта исключительность никуда не делась.

Раньше в спаррингах Шэнь Цзи отличался железобетонной бескомпромиссностью: какими бы хитроумными ни были траектории ударов Инь Юня, он отражал их все до единого, контратаковал с ювелирной точностью, никогда не поддавался намеренно и не щадил соперника. Но в этот раз он пару раз явно попридержал коней.

Пытаясь дотянуться до короткой укороченной у самой сетки, Инь Юнь сделал широкий шаг вперед, едва не потеряв равновесие. Шэнь Цзи успел к волану, но не стал контратаковать сходу. Вместо этого он чуть замедлил движение, дождался, пока Инь Юнь выровняется, и лишь после этого мягко перебросил волан обратно — аккуратно перед грудью соперника, чтобы тому было легко принять удар.

Эта секундная пауза и идеально рассчитанная точка падения не ускользнули от взгляда Инь Юня. Встретившись взглядом с Шэнь Цзи, он поймал в уголках его глаз веселые искорки, намеренно подался вперед и понизил голос:

— Шэнь Цзи, ты сейчас случайно не ждал меня специально?

Кончики ушей Шэнь Цзи слегка покраснели, но отпираться он не стал, лишь холодно бросил:

— Нет.

Однако слегка бегающий взгляд и напрягшийся подбородок уже выдали его с головой.

Заметив это притворство, Инь Юнь рассмеялся еще веселей, и нежность с лаской в его глазах едва удавалось сдерживать. Он-то прекрасно знал: если Шэнь Цзи говорит нет, значит, это

твердое да.

В дальнейших розыгрышах Шэнь Цзи продолжал демонстрировать эту «избирательность». Стоило Инь Юню потерять равновесие, оступиться или выдохнуться, как парень бессознательно сбавлял темп и менял траекторию ударов, оставляя тому передышку. Его защита по-прежнему оставалась непробиваемой, а контратаки — острой и точной бритвой, но в них больше не было абсолютной безжалостности; напротив, в каждом движении теперь сквозило глубокое внимание и стремление защитить Инь Юня.

Эту перемену не могли не заметить остальные игроки на площадке.

— Вы заметили? Шэнь Цзи сегодня как-то подозрительно щадит брата Юня, — тихонько шепнул один игрок другому.

— Да какое там щадит! Видел же: брат Юнь чуть не грохнулся, Шэнь Цзи мог спокойно забирать очко, а вместо этого взял и подождал, пока тот встанет, — подхватил второй, переполненный любопытством. — Жутко странно, Шэнь Цзи отродясь так не делал.

— Неужели брат Юнь настолько прокачался, что Шэнь Цзи теперь приходится ему поддаваться?

— Едва ли. Силу Шэнь Цзи все знают, даже если Юнь подрост, не до такой же степени, чтобы перед ним пасовать?

Тихий шепот и переглядывания команды были полны недоумения и праздного интереса.

Разумеется, эти разговоры долетели и до Чжэн Ицзиня.

Одинокое стоя на другом конце корта и с такой силой вцепившись в ракетку, что костяшки пальцев побелели, Чжэн Ицзинь изнывал от жгучей ревности, досады и горькой кислинки в груди. Он смотрел на «особое» отношение Шэнь Цзи к Инь Юню, на их нескрываемую сыгранность и мягкость, на то, как Шэнь Цзи поддается сопернику, и чувствовал, будто его сердце сдавила невидимая рука — стало так душно, что едва хватало воздуха.

Сколько лет они знали друг друга с Инь Юнем, сколько тренировались и выступали плечом к плечу! Все его старания угнаться за ним, вся молчаливая поддержка были спрятаны в каждом совместном усилии. Но он никогда не позволял себе вот так «щадить» Инь Юня, никогда не подстраивал под него траектории полета волана по собственной воле и никогда не выказывал столь нежных эмоций.

С какой стати?!

Почему какой-то Шэнь Цзи, ворвавшийся в их жизни без предупреждения, смог так запросто завладеть всем вниманием Инь Юня, заставить парня переступить через собственные принципы и продемонстрировать столь редкое исключение из правил?

Чжэн Ицзинь плотно сжал губы, лицо его помрачнело так, будто с него вот-вот закапает вода, а в глазах заплескалась черная злоба. Наблюдая за тем, как ласково Шэнь Цзи смотрит на Инь Юня и как доверчиво Инь Юнь отвечает на эти взгляды, он чувствовал, как зависть разрастается в душе дикими сорняками, грозя поглотить его целиком.

Он не желал с этим мириться. Чертовски не желал!

Но вместе с тем он прекрасно понимал: с того самого момента, как Инь Юнь публично встал на защиту Шэнь Цзи, он уже проиграл. Проиграл в пух и прах, лишившись даже призрачного шанса.

На площадке же противостояние Инь Юня и Шэнь Цзи продолжалось.

Белый волан мелькал туда-сюда над сеткой, выписывая стремительные дуги, звонкий и чистый звук ударов ракетки о воздух перекликался с напряженной борьбой равных соперников и их абсолютным взаимопониманием.

Стиль Инь Юня отличался легкостью и подвижностью, игра у сетки пестрила разнообразием, а каждое движение сочилось юношеским задором и остротой. Его глаза неотрывно следили за Шэнь Цзи, сияя серьезностью и нежностью — каждый взмах ракетки был пропитан глубокой привязанностью и симпатией.

Стиль Шэнь Цзи оставался сдержанным и основательным, глухая защита сочеталась с точными и молниеносными контратаками. Его взгляд тоже не отрывался от Инь Юня, но прежняя ледяная отчужденность давно сменилась мягкостью, и каждое касание волана таило в себе бережную заботу.

Лучи заходящего солнца пробивались сквозь стеклянные окна, тепло оседая на фигурах парней и озаряя их золотистым сиянием. Их дыхание сливалось воедино, взгляды пересекались, а движения идеально дополняли друг друга, создавая самую красивую картину во всем зале.

Примостившись рядом с Сюй Линем, Линь Юйхэн не сводил глаз с происходящего, сжав кулаки от переполнявших эмоций и мысленно вереща во всё горло: «Матч века! Я сошел с ума от этого пейринга! Избирательность Шэнь Цзи просто зашкаливает! Какой же он молчун? Это же настоящий верный пес, который ласков только с одним Инь Юнем! До чего же умильно!»

Сюй Линь молча наблюдал за ними, с уголка губ не сходила едва заметная улыбка.

Он знал: то, что Шэнь Цзи делает исключение, — это только начало.

Этот неразговорчивый парень ради Инь Юня нарушит еще немало правил и покажет еще больше нежности; это зародившееся на площадке чувство изо дня в день будет лишь крѣбнуть, чтобы в конце концов озарить их общие миры.

А Чжэн Ицзинь по-прежнему стоял в углу, и темная желчь в его глазах всё никак не рассеивалась. Глядя на их идиллию, на эту вопиющую избирательность Шэнь Цзи, он чувствовал, что застарелая одержимость никуда не делась, но к ней примешалось глубокое, парализующее бессилие.

После тренировки Инь Юнь, потирая ноющую поясницу, подошел к Шэнь Цзи и протянул тому бутылку воды.

— Спасибо за сегодня, что спину размял и так аккуратно со мной обращался, — улыбнулся он со всей присущей ему нежностью.

Шэнь Цзи взял бутылку, но открывать не стал. Подняв глаза на Инь Юня, он глухим, полным неуловимой мягкости голосом ответил:

— Так и должно быть.

— Это еще почему это так должно быть? — с напускным любопытством протянул Инь Юнь.

Кончики ушей Шэнь Цзи слегка порозовели. Отводя взгляд в сторону, он больше ничего не сказал, но протянул руку и мягко, привычным жестом взъерошил волосы Инь Юня.

Сердце Инь Юня на секунду пропустило удар, а уши вспыхнули пунцовым. Глядя на его профиль, на порозовевшие кончики ушей и затаившуюся в глазах нежность, парень ощутил, как сладость переполняет грудь.

Он знал: это «так и должно быть» и эта особенная привилегия — личное обещание Шэнь Цзи, данное только ему одному.

Солнце клонилось к закату, заливая бадминтонный зал золотистыми лучами. Их тени тянулись по полу, тесно переплетаясь и сливаясь воедино так, что разъединить их было уже невозможно.

Остальные игроки разошлись, в зале постепенно воцарилась тишина, оставив вдвоем лишь Инь Юня и Шэнь Цзи.

Прислонившись к сетке и глядя на спутника, Инь Юнь с улыбкой произнес:

— Шэнь Цзи, давай теперь каждое утро тренироваться вместе, м?

Шэнь Цзи повернулся к нему, кивнул, и в его глазах вспыхнуло еще более яркое тепло:

— Хорошо.

Всего одно короткое слово, но в нем крылось столько смысла.

Инь Юнь расплылся в счастливой улыбке и протянул руку, легко переплетая свои пальцы с пальцами Шэнь Цзи.

Рука Шэнь Цзи на миг замерла, но он не отстранился, а лишь чуть крепче сжал ладонь в ответ.

Соприкосновение пальцев, смешение теплых дыханий и тихо распускающееся в груди чувство любви.

Исключение для молчуна — это нежная привилегия, оставленная для одного лишь Инь Юня.

Зародившаяся на кортах симпатия — это глубокая привязанность, спрятанная в каждой мелочи.

Эта исключительность только началась, но уже было предрешиено: ей суждено стать самой ценной связующей нитью в их жизнях.

<http://bllate.org/book/19705/1937966>